

ШОЭТЫ
ТАТАРЫ

ГОС. БИБЛ. ТАТ. ЯЗ.

1957

V.N. Karazin Kharkiv National University

00712954

0

894.3-82

17-67А.Т.

1938

ПОЭТЫ ТАТАРИИ

СБОРНИК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

МОСКВА 1937

57 58 72

ИСТОРИЯ
ТАТАР

363

ИСТОРИЯ ТАТАР
ТАТАРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
МОСКВА

C

my

В настоящем сборнике собраны произведения современных татарских поэтов.

Татарская советская литература особенно быстро начала развиваться в период широкого наступления социализма по всему фронту. Татарский народ выдвинул своих талантливых писателей и поэтов, выражавших его классовые интересы и стремления, его ненависть к врагам, любовь к родине, его преданность идеям социализма.

Во многих стихах и песнях советские татарские поэты выразили ту огромную любовь и преданность великому вождю народов товарищу Сталину, которые охватывают умы и сердца татарского народа.

Поэты посвящают социалистической родине, ее счастливым людям, торжеству новой жизни много взволнованных и горячих строк.

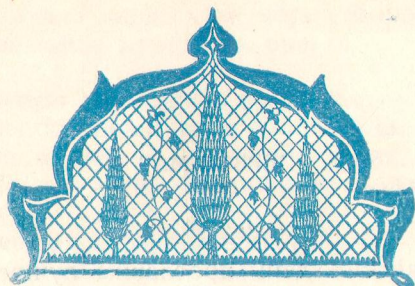

В настоящее время в России наблюдается
такая картина: в то время как в
большинстве случаев, когда правительство
делает шаг вперед, оно встречает
сопротивление, в то время как в
то время, когда оно делает шаг назад,
оно встречает одобрение.
В настоящее время в России наблюдается
такая картина: в то время как в
большинстве случаев, когда правительство
делает шаг вперед, оно встречает
сопротивление, в то время как в
то время, когда оно делает шаг назад,
оно встречает одобрение.
В настоящее время в России наблюдается
такая картина: в то время как в
большинстве случаев, когда правительство
делает шаг вперед, оно встречает
сопротивление, в то время как в
то время, когда оно делает шаг назад,
оно встречает одобрение.

МАДЖИД ГАФУРИ¹

Я ЗА РОДИНУ

За тебя жизнь отдам я,
Родная страна!
Ведь зовешься ты
Вольной советской страной!
Враг советской страны —
Враг отъявленный мой,—
Даже если б он был мне родным отцом.

Мы войны не хотим,
Нам война не нужна,
Мы строительству мирному славу поём,
Но лишь недруг
Подымется
За рубежом —
Устремимся
Навстречу —
Стальной стеной —
И его разгромим беспощадной рукой.

1922

---

¹ Умер в 1934 г.

ПЕРВОЕ МАЯ

I. ПОЮ

Первый майский день прославим лучшей песней
и стихом;
Неужель рабочий праздник мы без песен
проведем?
Петь я в день курбан-байрама¹ не могу, коль не
напьюсь,
Если со святой Каабы, пьяный, наземь не свалюсь.
Ну, а в этот день я хмелен лишь от запаха цветов,
Песню новую слагаю из простых, сердечных слов.

II. ДАВАЙТЕ СПОЕМ

Если цель у всех у нас одна,
Нашу песню вместе мы споем.
Сотрясая землю, мы идем
Величавым боевым путем.

Так споем, чтоб отзывалась даль,
Чтобы загудел простор земной.
Пусть возникновенье новых сил
Племена увидят пред собой!

Мы украсим родину свою
Вязями невянущих цветов,
О победе песню мы споем
Миллионом дружных голосов.

---

¹ Курбан-байрам — религиозный праздник.

Содрогнутся ханы, услышав,—
Песня нашей славы им страшна.
Кровью павших за народ борцов
На земле начертана она.

Песню труженика мы споем,—
Непосильный труд его сгубил.
Он мечтал о счастье на земле,
Но до дней отрадных не дожил.

Песню об униженных споем,
Как в цепях стонали племена.
Братства всех народов мы теперь
И свободы сеем семена.

Наша песня облетит весь мир,
Не умолкнет песня, не замрет.
В Африку умчится за моря,
Азию, Европу обойдет.

Те, кто по сей день угнетены,
Вместе с нами встанут и пойдут.
Вымершие оживут края,
Цепи рабства древнего спадут.

1922

«ОНА» ЧЕЛОВЕКОМ СТАЛА

Нельзя сказать — «она» была мертва,
Хоть и живой была она едва...
«Она» жила, «она» несла весь век
Ярмо скота, но все же — человек.

А может быть, она была больной?
Посмотришь на нее — всегда бледна.
Нет! От зари до темноты ночной
Безустали работала «она».

«Она» немой казалась: ведь язык
Ее с рождения молчать привык.
И говорила лишь, полна тоской,
Там, где не слышен говор был мужской.

«Она» немой казалась. Но у ней
Был звонкий голос — грустный соловей.
Ночами пела — плакала «она»,
Печалью безутешною полна.

Когда завидит: в шапке голова —
Закрыв лицо, бежала, чуть жива.
За покрывалом было спрятано лицо —
Не потому ль «она» казалась мертвецом?

Ни одного живого существа
Нет на земле, чья скрыта голова
От солнца.
Лишь «она» на всей земле
И в солнечные дни — жила во мгле.

Вся жизнь ее была темна, горька.
Ее, как лошадь или как овцу,
Сбывали с рук. И били по рукам,
Рубли отсчитывая продавцу.

И если род ее богатым был,
Ее цена пугала женихов:
«Она» тогда, средь торга и божбы,
Шла по цене хороших рысаков.

И если знатною к тому ж была,
Красивою —
То и цена росла.
Все выгоды учитывал отец,
Как опытный расчетливый купец.

Но если род не знатен, не богат,
Ее цена катилась назад,
И еле-еле бедняку-отцу
Платили за нее, как за овцу.

Но самый тяжкий был удел сирот.
Везде бедняжку унижение ждет.
Скорей отдать сиротку каждый рад,
А о цене уж тут не говорят.

«Она» повсюду лишнею была.
Таков удел сиротской нищеты.
И даже вилы, грабли иль пила
Порой дороже были сироты.

И вот несчастной проданной рабе
Мулла «никах»¹ гнусавит о судьбе
И ставит рабства вечного печать —
Веленьем покоряться и молчать.

Ни слез ее горячие ручьи,
Ни сердца боль не трогают ничьи

---

¹ Н и к а х — молитва, которую читает мулла
при бракосочетании.

Сердца —
И в дом чужой ее ведут,
Где тяжкий труд, побои, ругань ждут.

Там, скрежеща зубами, муж ее
Хватает с силой за руку, ведет,
Показывает дом —
И вот житье
Пред нею беспросветное встает...

— Вот коромысло, ведра, помело,
Вот сито, сковородка, дымоход.
Жена, все это по наследству шло,
Передавалось из рода в род.

Вот здесь в углу метелку ты найдешь,
Посуду, ложки и казан с водой...
Пойми:
Всю жизнь ты с ними проведешь,
Они назначены тебе судьбой.

И ты должна, покорная судьбе,
Пахать, кормить скотину, чистить хлев,
Чтоб на тебя не обратился гнев
Того, кто муж и господин тебе.

Ему ты сапоги должна снимать,
Для бани воду и дрова таскать,
Топить, пшено толочь, коров доить,
Семье белье стирать, и пряхсть, и шить.

Вот так всю жизнь работать ты должна.
Для этого на свет ты рождена.
Без лишних слов повиноваться мне —
Вот все, что полагается жене.

И ничего тебе не надо знать,
Помимо веника, ведра, горшка.

И помни — не должна ты задавать
Вопросы:
Почему? и что? и как?..

Она стоит, печальна и бледна,
Сложив покорно руки на груди.
С поникшей головой стоит «она»,
Не видя света, счастья впереди...

Те дни прошли. И прежняя «она»
Встречает уважение и почет.
Теперь гордится ею вся страна,
И с ней она в грядущее идет.

Нет рабства прежнего. И так светло,
Как будто солнце новое взошло.
И ей, свободной, разогнувшей стан,
Завидуют подруги дальних стран.

Она идет. И радостно вокруг
Поют заводы и шумят сады.
Она идет, а рядом верный друг
С ней делит горе, радости, труды.

В колхозах и на фабриках она
По-новому работает, горит.
И всем о новой жизни говорит —
Ее устами говорит страна.

А на рабфак иль в техникум зайдешь ---
И там на лекции ее найдешь.
К вершинам знания ее влечет —
Сидит над книгою, сдает зачет.

Она теперь и врач, и инженер,
И агроном, и летчик.
И сама
Она читает лекции теперь,
И строит школы, фабрики, дома.

Но горе есть за рубежом, вдали:
Там женщина попрежнему — рабой.
И прежняя раба шагает в бой
За угнетенных женщин всей земли...

Учись, трудись, не покладая рук,
Будь пламенной,
Трудолюбивой будь.
В кипучей жизни нашей,
Верный друг,
Тебе открыт широкий, вольный путь!

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

1

В дни отрочества на страницах первых
Тетради чистой — памяти моей —
Писали муллы:

«Помни, что навеки
Ты — божий раб,
ты — раб земных царей».

Аллаха имя муллы прославляли,
Перед царем смиряться мне веля.
Во мне, подростке, волю подавляли
Мои наставники-учителя.
Они твердили:

«Если правоверным,
Угодным богу хочешь быть, джигит,—
Исполни все, что велено адатом,
Исполни все, что шариат¹ велит.
Меня они учили верить слепо
В то, что блаженство праведников ждет.
Религии и всех законов косных
Я чувствовал невыносимый гнет.
Твердили мне:

«Пусть беден на земле ты,—
В раю аллах тебя вознаградит.
Верь в мудрость нашу,
в справедливость бога,
Покорен будь своей судьбе, джигит».
Так в память мне, в начальную страницу,
Когда я был еще по-детски слаб,

---

¹ Ш а р и а т — писанные мусульманские законы,
а д а т — неписанные законы — обычаи.

Вписали муллы наставленье это,
Под ним печать поставивши:
ты — раб.

2

Но скованный бесправьем жизни рабской,
Я не по дням, а по часам мужал.
И, оглянувшись на пройденный путь свой,
Я сам себе такой вопрос задал:
Я так силен,

что скалы раздробил бы,—
Зачем же я, могучий, стал рабом?
Я так силен,

что море переплыл бы,—
Зачем же мне в бесправьи жить таким?
Ведь если крылья сам я не добуду,—
То кто ж добудет крылья для меня?
И если сам коня я не добуду,—
Кто мне подарит своего коня?
Весь мир закрыл мне занавес адата,—
Своей рукой я разорву его.
Те вымыслы,

что мне внушали с детства,—
Я вырву из сознания своего.
Я памяти перелистал страницы.
И все, что муллы, в давние года,
Записывали на страницах этих,—
Я вырвал из сознания навсегда.
Навеки я вписал в свое сознание
Призыв к борьбе за волю,
за народ,
Призыв к борьбе за братство трудовое,
К борьбе, что счастье всей земле несет.

СТРАННО ЛИ?

Там, где вчера струилась горечь слез,
Цветы цветут сегодня,— странно ль это?
Минуты трудные, что перенес,
Теперь легко проходят,— странно ль это?

И если туч, застлавших небосвод,
Навек исчезнет холод,— странно ль это?
И если горя, что меня гнетет,
Сейчас навек не станет,— странно ль это?

И если сердце, полное огня,
Ждет девушка, с лицом яснее дня...

КРАСНАЯ ДОСКА

О подачках и жертвованьях богачей,
О паломничествах и постах,
О повеленьях тиранов былых,
О забытых древних царях,
О священных книгах пророков седых,
Полумесяцах и крестах —
Повествует доска «лаухельмахфуз»¹.
Эту доску сломали мы.

Черный камень, которого сотни лет
Пилигримы касались челом,
Блюда мяса и хлеба, что в путь мертвецу,
Стоят над могильным холмом,
Золоченые кованые кресты,
Что горят от алмазов огнем,
Мы сметали, и, как ненужный хлам,
Их на землю бросали мы.

И лживый «лаухельмахфуз» теперь
Заменили мы красной доской,

---

¹ Лаухельмахфуз — у мусульман религиозный термин, означающий доску, на которой начертаны все события и деяния людей.

Имена рабочих-героев на ней
 Справедливой пишем рукой,
 Тех, кто строит заводы и города,
 Вырубает в горах киркой забой,
 Их имена на красной доске
 С уважением вписали мы.

221521

В САДУ

Однажды я пришел в просторный сад
И на цветы ревнивый бросил взгляд,
Спросил: скажите, кто вам лучший друг,
Кто — лютый враг?
Тогда, сомкнувши круг,
Блеск солнечный разбрасывая свой,
Цветы мне улыбнулись чередой
И вымолвили:
«Тот, кем труд любим,
Кто землю выходил трудом своим,
Кто нас любовно поливал водой,
Кто сердцем чист и так же чист душой,
Тот нам, цветам, навеки — лучший друг!»

А тот, кому лишь по сердцу досуг,
Тот, кто срывает
Наши стебельки,
Кто беспощадно топчет нас ногой,
Тот, чьи дела и помыслы жалки,
Кто злобен сердцем и жесток душой,—
Нам — лютый враг». — Когда услышал я
Ответ цветов,
То им сказал: «Друзья,
Вас недостойн
На груди своей
Носить
Бездельник и злодей!
Мы — новый
Проторили путь цветам,

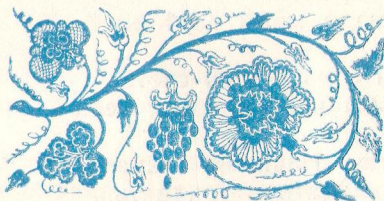
Живую прелестью
Подобным вам,
А тех, чьи злобны
И жалки сердца,
Мы выкорчем
До конца!
Роскошным садом станет мир навек,
И, вольный, возликует человек.

ВЕСНА

Завесой облак застлан небосвод,
Но все ж весна свое свершает дело:
Растаял снег, земля зазеленела,
И скоро соловей уж запоет.
Висят громады
Неподвижных туч
Угрюмыми
И низкими шатрами,—
Но — все ж длинней закаты,
И утрами
Дремучий воздух
Влажен и тягуч.
Но вот растаял
Облачный покров,
И солнце брызнуло
Горячим светом,
И засверкал
В просторе разогретом
Огонь лучей
На зелени лугов.
Как дым, рассеялась
И отступила,
Смутясь, громада облачная.
Так
Бесследно черный
Исчезает мрак
Перед могучей
Солнечною
Силой.

Х А Д И Т А К Т А Ш¹

ВЕКА И МИНУТЫ

(Поэма)

По каменным улицам
Скачет конница,
По переулкам несется она.
Всадник за кем-то виновным гонится,
Коня погоняет...
А ночь темна.
И в переулках
Виснет над конницей
Темная уличная тишина.

В огромной тюрьме
Этих каменных улиц
Долго, долго в оковах сидели мы.
Но со львиною силой
Мы к воле рванулись
И сломали сегодня решетки тюрьмы.
Этот всадник скачущий —
Наш дозорный,
Охраняющий знамя октябрьских побед...
Эй, прохожий,
Ты кто?
Ты со злобой упорной
Смотришь красному коннику вслед!

---

¹ Умер в 1931 г.

В ночь,
В провал каменистый
Гляжу из пролета.
Тишина надо мной глубока.
Я считаю,
Все время сбиваясь со счета,
Дни борьбы нашей, годы, века.
Раз, два... пять...
Нет, не так. Начинаю сначала.
Десять, двадцать и тридцать...
Нет, снова не так.
Видно, память счет дням и векам потеряла,
Заблудилась в днях и веках.

Брезжит утро.
Рассветом разорвана мгла.
Новый день к нам приходит с румяной зарею.
Дни идут.
Их года заслоняют собою.
Вот минута возникла,
А вот умерла.
Умирают и дни,
Постепенно дряхлея.
Притаились за ними седые года...
Кто-то в ночь родился.
Кто-то с жизнью простился своею.
Где-то рухнул прогнивший устой навсегда.
Мчатся дни.
Их немало возникнет и минет.
И старушка-история,
Встретив однажды зарю,
Скажет миру:
«Полвека исполнилось ныне
Октябрю».
Запоют гудки.
Города встрепаются.
Загорятся огни и вблизи, и вдали,—
Это факелы всюду по миру зажгутся.
Будет праздновать день своей революции

Человечество всей земли.
А пока мы борьбу на земле продолжаем,
И охвачен весь мир жестокой борьбой.
Это есть наш последний бой.
Мы знаем,—
Это есть наш последний
И решительный бой.

Со своим врагом готовы мы сразиться,
Надежна охрана у нас на рубежах.
Зорко стерегут советскую границу
Наши постовые на лихих конях.
Если вновь враги пойдут на нас войною,
Мы дадим отпор атаке их любой.
Всадник наш победный
С пикою стальной
Ринется бесстрашно
В последний бой.

21 ЯНВАРЯ

Комклуб.
Выступает докладчик обкома.
Вдруг речь оборвал он.
Собрание молчит.
По залу проносится страх незнакомый.
Склонивши лицо,
Председатель сидит.
И радиорупор жестокий
Сказал:
«Он умер, наш Ленин!»
И вздрогнул весь зал.
Но секунда промчалась.
Все встали,
И хлынули слезы рекой...

Ночь.
На заводе
Мастер Иванов

Сверлит, сверлит
Без жалоб и без слов.
Он строг и скрыть старается от нас,
Что со щеки стирал слезу не раз.
Как мы,
Он страшной вестью потрясен,
Но своего поста не бросит он.

Всю ночь
С 21 января,
Пока не зажглась на востоке заря,
Радио страшную весть
Во мгле
Передавало по всей земле.
Страшная весть
Ненастной мглой,
Тучами висла
Над всею землею.
Ленин!
Ленин!
Ленин!
Ленин!

На баррикадах,
В дни разрушенья дворцов,
В тюрьмах
И в шахтах,
На фронте в часы наступленья —
Всюду в шеренге ты был средь бойцов,
Ленин!
Шел на полях окровавленных бой
В грозные годы.
Был ты для нас путеводной звездой
К миру свободы.
Ты наш вождь,
Ты наш отец.
Ты нас на бой за свободу поднял...
Зодчий, построивший Красный дворец,

Наш рулевой,—
Ты уходишь сегодня
Ленин!
Ленин!
Ленин, прощай!
Ленин был.
Ленин умер.
Прощай, Ильич!
Прощай, вождь!

Гремит, не смолкая,
Радиоклич
В Париже,
В Лондоне,
Во всех городах:
«Не умер наш Ленин, не умер Ильич,
Живет он в наших сердцах!»
Из Испании дальней весть летит:
«Мы в борьбе пойдем по его пути.
Долой баронов!
Долой королей!
Мы в огонь революции
Кинем троны
И короны
Рукой своей!»
Повторяет радио целого света
Имя Ленина, славное имя это.
Льются радиоволны в морозные дали
Из Германии,
Турции,
Италии.

Он здесь лежит и не встанет вовек,
Он здесь лежит, большой человек.
Весь мир сегодня
Плачет о нем.
Льет солнце Африки знойный свет.
И негр прижимает к груди портрет

Того, кто был и его вождем.
Он здесь лежит, большой человек,
Он очень спокоен.
Спокоен навек.
Караул из товарищей обступил
Гроб того,
Кто сердцем вселенной был.
Неподвижен в гробу большой человек.
Он очень спокоен.
Спокоен навек.

27 ЯНВАРЯ

Рано, рано встанем утром,
Выйдем в путь морозным днем.
Чтоб проститься
С другом мудрым,
Незабвенным Ильичем.
Скорбный траур мы надели.
Нынче в трауре земля,
Мостовые,
И панели,
И деревни,
И поля.
И сердца миллионов
В ритм
Бьются.
Звонко их биенье
То же слово говорит:
— Ленин,
Ленин,
Ленин,
Ленин!

Сегодня во всех городах земли
Народные толпы по улицам шли.
Во Франции,
В Испании,

В Германии
И Дании
Шагают колонны за рядом ряд,
О вожде ораторы говорят.
Говорят пионеры,
Шагая в рядах:
«Ленин живет
В наших сердцах».

Мы вождю умершему
Встанем на смену —
Несчетные ленинцы
Всей вселенной.
Все встанем мы в ряды сейчас.
Не тысячи, а миллионы,
А сотни миллионов нас...
Вставай, проклятем заклеянный!..
Ораторы!
Часы пробили: четыре.
Склонились головы!
Умолкла страна.
Молчат рабочие в целом мире.
Машины встали везде.
Тишина.

Далекий Рур
В германской стране.
У шахт, на одной из больших площадей,
В молчаньи строгом толпа людей
Стоит.
И в таинственной тишине
Из волн человеческого моря на свет
Взмыл кверху огромный плакат-портрет.
И прощаются
Тысячи скорбных глаз
С великим вождем
Последний раз.

В Париже громадном,
Где шум не смолкает,
Где вечен на улицах
Гомон и гуд,
Где люди бегут
И друг друга толкают,
Где все покупают
И все продают,—
По улице людной,
Сквозь гам и смятенье,
В авто своем мчит захмелевший барон.
Цилиндр потерял он,
Упал на сиденье,
И спит всю дорогу без просыпа он.
Четыре часа.
Не заметил спросонья
Барон, что шофер, за часами следя,
Дал тормоз машине
И голову клонит
В тяжелом раздумьи о смерти вождя.
И думал шофер о большом человеке,
Лежащем под сенью багряных знамен.

Он создан веками,
Он славен навеки,
Но смертью и он был в секунду сражен.
Могильщиком старого мира он был,
Но собственной жизни своей не хранил.
Так думал шофер. А минуты стекали.
И каждая длилась как час для него...

Ты, солнце,
Создало его, Ильича.
Его ты любило, его ты ласкало,
И каждое утро его ты искало,
Чтоб нежно погладить ладонью луча.
А нынче он умер.
Уснул навсегда,

Но дело его
Не умрет никогда!
Что ты плачешь так горько,
Рабочий люд?
Подымись на борьбу, захвати батареи,
Пусть твой залп по дворцам
Прогремит поскорее,
Это будет умершему лучший салют.

Яркая искра,
Что Ленин бросил,
Маяком осветит наш путь в борьбе.
И идем мы, люди цехов и ремёсел,
От станков своих
В ленинский строй
РКП.

Мастер Иванов
Написал заявление,
Тысячи, миллионы
Становятся в ряд.
Вся земля гудит.
Мы идем в наступление.
Мы клянемся,
Что выполним дело Ленина,
Что законы рабства
В огне сгорят.

Он не умер, Ильич незабвенный.
Он с нами.
По земному шару
Слышна
Поступь большевика.
Правой рукой
Подымает он
Красное знамя,
Левою —
Тянет вперед он
Месяцы, годы, века.

Он, как солнце,
Лучи всей земле посылает.
Как прожектор, он
Разрезает ночную тьму.
На заводы идет он,
В глухие деревни шагает,
К заключенным сквозь стены
Приходит в тюрьму.
И, ведя миллионы в сражение,
Он красное знамя
Развернул...
И враги опускают в испуге глаза.
Он шагает...
И вдруг над парламентскими болтунами,
Заслоняя полнеба,
Встает, как гроза.

1924

МЫ ВЫШИВАЕМ ЗНАМЯ

Посвящается комсомолкам казанского рабфака.

Полночь давно уж прошла над нами,
Мы же все шьем, засучив рукава.
Мы вышиваем
Красное знамя.
На кумаче большими стежками
Огненные ложатся слова:
«Все, что добыто в боях Октябрем,
Зорко хранить
Мы клянемся ныне!
Мы под гуденье заводов идем
Ленинским выверенным путем
К славной, девятой своей годовщине!»
Завтра, расшитое ярко нами,
Кверху подымется красное знамя,
Птицей взлетит в комсомольских руках.
Солнце улыбкой осветит лица.
Солнце,
Мы можем с тобой поделиться
Жарким огнем,
Что пылает в сердцах.
Полночь давно уж прошла над нами.
Мы вышиваем красное знамя.
Яркие ленты
Пришили к нему.
Золотом мы
Украшаем кайму.
Помним мы:
Красное знамя, бывало,

Прятали мы от жандармов в подвалах.
В битвах оно окровавлено было.
В битвах вело оно
И победило.
Пусть же грядущее скрыто вдали,—
Знаем мы,—
Будет победа за нами!
Скоро единственным флагом земли
Станет рабочее красное знамя.
Скоро оно
Поведет за собой
Всех нас
В последний,
Решительный бой.
Вот почему
Мы в ночной тишине
Знамя готовим в подарок стране.
Яркие ленты пришили к нему,
Золотом мы
Украшаем кайму.
Красное знамя,
Рабочее знамя
Мы вышиваем в ночи,
И на нем
Бронзовыми, золотыми стежками
Лягут слова
И зажгутся огнем.

1925

ЛЕС

(Из записной книжки студента вуза.)

...Вернусь я, партизан былой,
К родным лесам, повитым мглой.
В лесу моем
Вечна симфония бурь,
Деревья шумят в нем листвою,
И ястреб из чащи взлетает в лазурь,
И волки голодные воют.
В лесу моем,
Прыгая с ветки на ветку,
За пищей летит соловей на разведку.
Быть может, летая, он сбился с пути
И в чаще дороги ему не найти?
Надвинется ночь,
И бедняга тогда
Себе не найдет для ночлега гнезда.
В лесу моем
Ночь под зеленым навесом.
Дымок синеватый
Кочует над лесом.
Я лес вспоминаю,
И кажется мне:
Весна затаилась в лесной глубине,
А брат мой, Ахнуш,
По тропинке лесной,
Быть может, шагает в совет волостной.
И алчущий волк
К нападенью готов,
За братом подглядывает
Из кустов.

А может быть,
Брат мой и ночью не спит,
И рубит он липу,
И липа скрипит?..
Батрачкой здесь мать на опушке лесной
Поля убирала в полуденный зной.
Но помню —
Грошовою плата была.
Но помню —
От голода мать умерла.
Далекий мой лес,
Ты, как прежде, мне мил.
По чащам твоим пастухом я бродил.
С тобою мы много не виделись лет.
Привет тебе, друг мой, привет!
От края до края я помню тебя,
И часто тебя вспоминаю, любя.
Мой лес,
Я грущу по тебе, но, поверь,—
Еще не могу я вернуться теперь.
Теперь уж не прежний, а новый козел,
Должно быть, стада к водопою повел.
Уйдя в партизаны,
Не знал я тогда,
Кто сменит меня, охраняя стада.
Я помню,
Как лыко сдирал я рукою,
Как лапти сплетал я
И пел над рекою.
Не знаю и, значит, сказать не могу,
Кто стадо теперь стережет на лугу,
Кто новую песню пастушью поет,
Кто лыко сдирает
И лапти плетет,
Мой лес!
Я грущу по тебе, но поверь,
Еще не могу я вернуться теперь.

Еще не могу я вернуться туда,
Где начал я в детстве свой путь сквозь года.
Дорога начальная связана с лесом.
В лесу начиналось мое бытие.
С тобою, мой друг, под зеленым навесом
Провел я зеленое детство свое.
Простреленный пулями
Белых зверей,
Отец мой
Зарыт на опушке твоей.
Я был партизаном,
Но, кончивши вуз,
Я скоро
К родимому лесу вернусь.
Мой друг!
Не скучай же в разлуке со мною.
Недаром я в вузе столичном учусь.
Я был пастухом,
Но в селенье родное
Теперь инженером к тебе возвращусь.

1924

ПРОВОКАТОР

Процесс идет. В судебном зале
Гремят потоки грозных слов,
И, обвинительную речь закончив,
Судья бесстрастен и суров.
Тогда к его столу из глубины рядов
Подходит женщина седая
И, слезы утирая на глазах,
Взволнованно, в простых словах,
При воцарившемся молчании,
Так начинает показанье:
«Я рада, что его я вижу снова,
Но не в охранке, нет, а пред судом...

.....
Шел девятьсот... пятый год...
Мой муж рабочим был на фабрике Козлова.
Бывало, только вечер настает,
К нам заходил он ежедневно!
Как верил муж ему во всем,
Считал его борцом и человеком!..
Подпольщики к нам приходили в дом
На нелегальные собрания.
Скрываясь от полиции, у нас
Большевики нередко ночевали..
Однажды ночью,
Едва лишь пробил третий час,
Внезапно в нашу дверь ворвались
И мужа моего арестовали.
С ним увезли и сына моего...
Обоих через месяц расстреляли,

И шестьдесят рабочих полегло...
Я обливалась горькими слезами,
Переносила горе тяжело!..
Никто не сжалился над нами.
На улицу пошла моя родная дочь...

За все ответит пусть виновник гнусных дел,
И для него единственная кара —
Расстрел!..

Я плачу... Слезы да простят мне, старой...
Я слезы лью, но не от горя... нет!..
Страдания и муки прошлых лет
Ушли и не вернутся никогда...
От радости я плачу!.. Те года
Исчезли без следа...

В стране живем мы благодатной,
В стране освобожденного труда...
Его я у ворот охранки увидала...
Оттуда вышел он; узнав меня, рукой
Старался скрыть лицо и за углом квартала
Исчез он в темноте ночной...
Как много лет прошло! Его я вижу снова
В дни старости. И видит он меня
Уж не в охранке мрачной и суровой,
А здесь... перед судом...»

Был краток приговор. Как гром,
Клеймящие слова
Звучали над врагом.
Борис Морозов, провокатор,
К расстрелу был приговорен.

ЛЮБОВЬ ЗЮБЕЙДЫ

Как быстро
Наша юность улетает,
В гостях у нас побыв недолгий срок.
Так на рассвете раннем увядает
Под вечер распустившийся цветок.
Любовь стара.
Но в юном сердце снова
Она по-новому
Волнует кровь.
И молодость безумная готова
Отдать полжизни,
Чтоб узнать любовь.
Во мне погасла молодость былая,
И отпылала страсть в моей крови.
Их не вернуть.
Я больше не желаю
В глазах подруг искать огонь любви.
Я не ищу теперь
Горячей страсти,
И успокоилась душа сама.
Отныне сердце вольное
Во власти
Спокойного и трезвого ума.
Частенько сердце бедное рыдает
И ропщет,
И противится уму.
Но разум сердцем твердо управляет
И больше воли не дает ему.
О, молодость!
О, молодость шальная!
Гостила ты у нас недолгий срок.

Так, на заре вечерней расцветая,
Под утро вянет
Радостный цветок.
К моим весенним
Зорям соловьиным
Мне никогда
Не возвратиться вновь,
Пускай уходит
К юным и невинным,
Пускай им кружит головы любовь.
А я...
А я ушел от страсти зыбкой.
Уже волненья нет в моей крови.
И я теперь
Могу взглянуть с улыбкой
На тех,
Чьи губы шепчут о любви.
Но все ж прошу красавиц:
«Ради бога,
Вы от меня держитесь в стороне.
Я клятву дал, что жить я буду строго,
А вы вдруг страсть разбудите во мне».
Нет, я шучу.
Я всю любовь большую
Отдал навек подруге дорогой.
И никогда ее не разлюблю я,
И никогда не полюблю другой.
Тут ставлю точку я
На всем, что было
Со мной.
К себе не возвращаясь вновь,
Я расскажу,
Как Зюбейда любила,
Как отдала наборщику любовь.

1. ПОРТРЕТ ЗЮБЕЙДЫ

Бывает так: беседа не клеится,
Когда в гостях у друга ты сидишь,—

Альбом возьмешь, начнешь листать страницы,
На снимки незнакомых лиц глядишь,
Портреты хвалишь... Разговор тягучий
Течет... И вдруг, застигнув, как гроза,
Из-под кудрей,
Клубящихся, как тучи,
Твой взгляд пронзят прекрасные глаза.
«Кто это?» — спросишь.
И тебе неожиданно
Ответит друг:
«Она уж отцвела.
Была красива. Вышла замуж рано.
И шестерых детишек родила».
Склонив лицо,
Чтоб скрыть свое смущенье,
Ты помолчишь немного,
И потом
Шепнешь: «Ах, вот как!»
И без промедленья
Отложишь прочь обманчивый альбом.
Да, красота от нас уходит рано.
Морщинят девичье лицо года.
На гладкой коже юношей румяных
Щетиной жесткой встанет борода.
Любовь —
Цветок такой недолговечный,
Он вмиг теряет запах и пыльцу.
Порою в загс
Ведет союз сердечный,
Порой ведет
К печальному концу.
В моем альбоме тоже есть портреты.
Но всех пленяет Зюбейда одна.
И на вопрос настойчивый:
«Кто это?»
Я неизменно говорю:
«Она.
Работница завода,

Комсомолка,
Она стройна, красива, молода.
Но опоздал ты:
Крепко и надолго
В наборщика влюбилась Зюбейда».

II. ЛЮБОВЬ ЗЮБЕЙДЫ

Ни соловьев передразсветных пенье,
Ни зелень леса,
Ни цветы земли,
Ни звезды яркие
Поры весенней
Ее любви украсить не могли.
Любовь пришла к ней осенью унылой,
На службе,
На собраниях
Началась.
Весна любви для Зюбейды всходила,
Когда пурга по улицам неслась.
(Мне б песню спеть о юной страсти смелой.
Как я певал в далекие года!..
Но юность,
Словно песня, отшумела
И от меня умчалась навсегда.)
Частенько сердце Зюбейды шептало:
«Ты в клуб иди,
Ведь там его доклад.
Тебе он улыбнется, как бывало,
И проводить тебя он будет рад»...
«Спеши в театр,
Не опоздай к спектаклю.
Там можешь встретиться с дружкой своим.
Отрадно будет
(Зюбейда, не так ли?)
Тебе пройтись по залу вместе с ним».
А разум, сердцу юному переча,
Твердил: «Не слушай сердца своего.
Встреч не ищи, а убегай от встречи.

Обманет он. Ты берегись его».
Так мчались дни потоком беспокойным.
И таяли минуты без следа.
И молодость
Прикосновеньем знойным
Тебя обманывала, Зюбейда.
Но раз под вечер
Нашу комсомолку
Привел Махмут-наборщик
В домик свой.
И в тихой комнате сидели долго
Они вдвоем вечернею порой.
Потом
Огонь погас как бы случайно.
Они остались
В сумраке ночном.
Укрыла ночь завесою
Их тайну.
Пушистый снег ложился за окном.

. . . . .
В ту ночь,
Шатаясь по небу без толка,
Бездельник-месяц злился и брюзжал.
И Авхадый, в дороге встретив волка,
Назад домой со страхом прибежал.
А Гимадий,
В ту ночь уснув глубоко,
Не слышал лай собаки у крыльца.
Пока он спал,
Бандит Шакур далеко
Увел его гнедого жеребца.
Кто знал,
Что у наборщика Махмута
Осталась наша девушка
В ту ночь?
Лишь мать ее, вздыхая почему-то,
Все не спала и поджидала дочь.
И лишь студент,

С Махмутом рядом живший,
Слышал сквозь дверь,
Что, жалобно звеня,
Не молкнул голос девушки, моливший:
«Махмут, любимый,
Отпусти меня!»

III. ПИСЬМО ЗЮБЕЙДЫ

«...От тебя я не ждала обмана.
Ты ведь клялся мне
В любви своей.
Жду тебя к себе я,
Мой желанный,
Жду тебя напрасно много дней.
Вот письмо тебе пишу я снова.
Ты придешь?
Весь вечер буду ждать.
Важное, решающее слово
Я тебе обязана сказать.
Жду сегодня.
Не забудь об этом.
Ты придешь?
Ответь скорее: да.
С комсомольским, дружеским приветом
Зубейда».
Но не приходит к ней
Махмут счастливый.
Он от нее
Добился своего.
Ему не жалко
Девушки красивой,
Что влюблена без памяти в него.

IV. ОДИНОКИЙ МЕСЯЦ

В объятьях мглы уснет вечерний ветер.
Бездельник-месяц странствует сквозь тьму.
Подруги нет.
Он одинок на свете.
И скучно в ночь бессонную ему.

Когда же ветер ночью спать не хочет
И над землей кружится, как шальной,
Срывая шляпы
С тех, кто бродит ночью,
И угоняя прочь в туман ночной,—
Тогда смеется месяц.

Он доволен,
Найдя забаву.

Месяц — одинок.

Он, как бобыль, живет, не оттого ли,
Что разыскать себе жены не мог?
И бродит он под старость в одиночку,
И на лицо его тоска легла...

Мать Зюбейды

Готовит платье дочке,

Шажками быстрыми бежит игла.

Сестренка Зюбейды играет рядом —

Она поглощена игрой своей.

Она мила и голосом, и взглядом.

Но, чтоб не сглазить, промолчу о ней.

V. МЕСЯЦ И ЗЮБЕЙДА

Ты, Зюбейда,

Как месяц одинока.

На небо ты бросаешь грустный взгляд.

Во взгляде,

Прежде ясном и глубоком,

Сегодня слезы горькие стоят.

О, молодость!

О, молодость шальная!

Гостила ты у нас недолгий срок.

Так, на заре вечерней расцветая,

Под утро вянет

Радостный цветок.

Где прежний смех?

Где Зюбейда былая?

Как врач сказал:

«Ты будущая мать».

Гори же, сердце,
И звени, пылая!
На то и жизнь дается, чтоб пылать.
Но где ж твой друг,
Что в комнате укропной
Тебе твердил, с волнением в крови,
О новой, светлой жизни,
Об огромной
И радостной, немеркнувшей любви?
С восходом солнца звезды погасают
И вновь зажгутся в сумраке ночном.
А Зюбейда ребенка ожидает,
Тоскуя о возлюбленном своем.
Бежит шажками быстрыми иголка,
Она приданое ребенку шьет.
О ком, скажи, томишься, комсомолка?
Кого, скажи, твое сердечко ждет?

VI. СЕРДИТАЯ ПУРГА

Гулял пьянчуга под пургой косматой.
Гудит пурга, пришла ее пора.
Но под пургой
Гибай-старик
Лопатой
Сугробы выгребает со двора.
Пурга ревет:
«Не порти мне работу!
Не я ль для вас,
Как для друзей своих,
Алмазных гор
Насыпала без счета?
А вы стараетесь разрушить их.
Я город ваш украсила убогий,
А вы выходите
Топтать снега...» —
И, плюнув на Гибая
По дороге,
Помчалась в степь

Сердитая пурга.
А на заре домовладельцы долго
На всех наречиях пургу кляли.
Вот этой ночью
Нашу комсомолку
В родильную больницу отвезли.
Где ж ты, Махмут?
Ты скрылся втихомолку.
Такую ль ты ей обещал любовь,
Когда шептал:
«Голубка, комсомолка»,
Когда «люблю» твердил ей вновь и вновь.

VII. ЗАВЕРШЕНИЕ РОМАНА ЗЮБЕЙДЫ

А Зюбейду,
Что кровью истекала,
На белую кровать перенесли.
Окраска губ
Чернее угля стала.
Ввалились щеки.
Силы прочь ушли.
Как тяжело ей!..
Рядом, слаб и тонок,
Раздался голос.
Чей он?— Не пойму.
Ребенок рядом плачет.
Чей ребенок?
О чем ребенок плачет?
Почему?
Зачем ты, обескровленной и слабой,
Лежишь в постели, молодая мать?
Ты так слаба, что, верно, не смогла бы
И голову с подушек приподнять.
Так тяжело.
Темно перед глазами.
Приподнялась ты.
«Покажите мне
Ребенка!»

Крик твой прозвенел и замер
В больничной напряженной тишине.

. . . . .
В нарядном доме
Жалобно и тонко
Ребенок плачет.

Чей он?

Отчего

Так горько плачет?

Где отец ребенка,

Не пожелавший повидать его?

А может быть,

Он вовсе не заглянет

К родному сыну?

Пробегут года.

Сын подрастет,

Джигитом стройным станет,

С отцом своим

Не встретясь никогда?

Нет, я не верю,

Чтобы на разлуку

Отец обрек и сына, и себя,

Чтоб сыну он

Не протянул бы руку,

Чтобы на сына не глядел, любя.

Кто входит в дверь?

Кто у кровати замер?

...Махмут, отец...

Его ты, Зюбейда,

Сломить сумела

Жаркими слезами.

Рукой лицо закрывши от стыда,

Он говорит:

«Я виноват, я знаю,

Но я теперь вернулся навсегда».

Он к ней склонился:

«Ты простишь, родная?»

Так помирилась с милым Зюбейда.

И, став теперь навек семьей одною,
Дней через пять сходили в загс они,
Вступив отныне мужем и женою
В счастливые, безоблачные дни.
А месяц все еще по небу бродит.
Он обречен браниться и брюзжать.
Он в одиночестве гулять выходит,
Когда вечерний ветер ляжет спать.
Он холост. Нету ни жены, ни сына.
Один он должен время проводить.
Один он должен этой ночью длинной,
Брюзжа на всех, бездельником бродить.
Когда же ветер ночью спать не хочет
И над землей кружится, как шальной,
Срывая шляпы
С тех, кто бродит ночью,
И угоняя прочь в туман ночной,—
Тогда смеется месяц.
Он доволен,
Найдя забаву.
Месяц одинок.
Он, как бобыль, живет, не оттого ли,
Что разыскать себе жены не мог?
Остался месяц холостым под старость.
Нет у него ни друга, ни угла.
Вот почему
Печальная усталость
Теньями на лицо его легла.